

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5
Ф54

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Рецензенты:

д-р филол. наук, зав. отделом С. А. Мызников (Ин-т лингвист. иссл. РАН)
д-р филол. наук, проф. О. Н. Гринбаум (С.-Петерб. гос. ун-т)

Ф54 **Филологическое наследие М. В. Ломоносова** : коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. — СПб. : Нестор-История, 2013. — 480 с.
ISBN 978-5-4469-0118-0

Коллективная монография участников проекта «Словарь языка М. В. Ломоносова», осуществляемого в настоящее время в ИЛИ РАН, посвящена вопросам филологического дискурса М. В. Ломоносова (риторика, грамматика, поэтика, стилистика), освещает некоторые особенности его идиолекта. Отдельный раздел представляет историю доломоносовских грамматик в Российской академии наук. Части монографии объединены стремлением авторов показать, как формировалась филологическая традиция в России XVIII века. В основу книги легли доклады и сообщения, сделанные на научной конференции «Филологическое наследие М. В. Ломоносова», которая прошла в ИЛИ РАН 25–26 октября 2011 г.

Монография предназначена для историков русского языка, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, филологов и историков, любителей русского языка и культуры.

УДК 811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5

Издание подготовлено при финансовой поддержке
гранта РГНФ № 10-04-00308а

«Словарь языка М. В. Ломоносова»
(руководитель С. С. Волков);
гранта РГНФ № 11-04-00206а

«Идиолект М. В. Ломоносова и европейский научный дискурс XVIII в.»
(руководитель К. А. Филиппов);
гранта РГНФ № 11-34-01222

«Формирование академической лингвистической традиции»
(руководитель Н. В. Карева),
гранта РГНФ № 12-04-00109а

«Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова
(лингвистический и историко-культурный аспекты)»
(руководитель П. Е. Бухаркин)

ISBN 978-5-4469-0118-0

© Коллектив авторов, 2013
© ИЛИ РАН, 2013
© Издательство «Нестор-История», 2013

*А. С. Смирнова
(ИЛИ РАН)¹*

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПЕРЕВОДЧИК
ИВАН СЕМЕНОВИЧ
ГОРЛЕЦКИЙ²**

Ключевые слова: Иван Горлецкий, XVIII век, Академия наук, французский, латинский, переводчик, география, грамматика.

И. С. Горлецкий — переводчик с французского и латинского языков, работавший в Академии наук с начала ее основания. Он — автор переводов естественнонаучных трудов, грамматик, протоколов, писем и т. д. Прожив долгую жизнь от времен Петра Первого до правления Екатерины Второй, И. С. Горлецкий встречался с В. Е. Адодуровым, В. К. Третьяковым, Л. Эйлером, М. В. Ломоносовым и др. В главе освещается деятельность И. С. Горлецкого и связанные с его жизнью драматические события.

Жизнь И. С. Горлецкого³ (1690–1779) и его современников совпала с началом новой эпохи в России: благодаря энергичным

¹ Анна Сергеевна Смирнова, канд. филол. наук., науч. сотр. ИЛИ РАН.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-34-00355 «Формирование академической лингвистической традиции» (рук. Н. В. Карева), а также темы НИР СПбГУ № 31.38.99.2012 «Европейское Просвещение и формирование языка гуманитарных наук в России» (рук. К. А. Филиппов).

³ Орфография иностранных и русских фамилий в начале XVIII века варьировалась. В первом томе «Протоколов заседаний конференции Императорской Академии Наук» шесть раз употребленная фамилия И. Горлецкого пишется по-разному: Horlezky (с. 65), Gornizki (с. 66), Gorletski (с. 80), Gorletzki (с. 602), Gorlecki[us] (с. 727), Gorleczi (с. 730). В текстах встречается также форма Горклецкий (Ченакал 1961: Индекс); последнее считаем просто досадной опечаткой. Можно предположить, что в связи с русификацией польской фамилии в слове изменилось место ударения — перешло с предпоследнего слога

мерам Петра I менялись культура и уклад государства, возникали новые учреждения, появлялись новые профессии. Многим молодым людям пришлось осваивать новую деятельность, например, участвовать в работе первых образовательных и научных центров. Именно в этой области Горлецкий оказался среди первых: он учился за границей, затем поступил на должность переводчика в только что открывшуюся Петербургскую Академию наук, а также преподавал в Академической гимназии. Краткое определение основной деятельности Горлецкого находим у П. П. Пекарского: «переводчик, доноситель на Шумахера» (Пекарский 1870: 741). Действительно, чаще всего в связи с Горлецким документальные материалы подробно сообщают об этом доносе и его последствиях, чуть было не приведших «донositеля» к смертной казни⁴. Таким образом, в самом начале знакомства с Горлецким он может на первый взгляд представиться нам революционером-пуристом, противостоявшим иностранным академическим реакционерам, приглашенным в Петербургскую Академию наук советником Канцелярии Академии наук И. Д. Шумахером.

В этой работе предпринята попытка на основании служебных документов и академических протоколов последовательно изложить жизнь и деятельность И. С. Горлецкого.

на третий слог от конца слова, а вслед за этим изменилась орфография: бывшая ударной гласной «е» перестала отчетливо произноситься и изменилась на «и». Мы принимаем то написание фамилии, которое опирается на ранние документы и собственные подписи Горлецкого. В цитируемых документах орфографию фамилии сохраняем.

Дата смерти Горлецкого пока точно не установлена, в именном указателе к Полному собранию сочинений М. В. Ломоносова (том 11) указан 1770 г., в Словаре русских писателей XVIII в. — 1777 г. (<http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=719>, см. Горлицкий), в служебных документах Библиотеки Академии наук указывается 1779 г. (http://www.rasl.ru/e_editions/personalia18_19.pdf, см. Горлицкий).

⁴ Сообщение о доносе Горлецкого на Шумахера — самый популярный эпизод жизни Горлецкого упоминается несколько раз в «Материалах для истории Императорской Академии наук» (МАН V, 591; VI, 583; VII, 158).

УЧЕБА И СЛУЖБА

Иван Семенович Горлецкий родился в 1690 г. в Кракове. Вскоре после его рождения семья Горлецких переезжает в Россию, где уже начинается правление Петра. О семье Ивана Горлецкого ничего не известно: кем были его отец и мать, мы не знаем, однако видим, что позаботиться об образовании своего сына они смогли.

Ивана Горлецкого отдают в московскую Славяно-латинскую академию, когда ему исполняется 13 лет. Курс обучения в академии тогда был рассчитан на 13 лет — 8 классов, или «школ» (класс фары, или аналогии, инфимы, грамматики, синтаксисы, пиитики, риторики, философии и богословия), таким образом, нетрудно посчитать, что в 1717 г. Горлецкий должен бы был закончить весь курс, однако он числится еще в классе риторики и оттуда попадает в число отобранных И. А. Мусиным-Пушкиным для поездки за границу «лучших рабят <...> которые по остряя» (Пекарский 1862: 237–238.)⁵. В 1717 г. по указу Петра Великого их отправляют в Амстердам, и там распределяют по европейским университетам (в Амстердам, Прагу, Париж и пр.). Иван Горлецкий, Тарас Постников и Иван Каргопольский отправляются в Париж под опеку представителя России в Париже тайного советника барона И. Шлейница, которому было поручено определить студентов и следить за их учением и поведением (Голиков 1838: 625). В течение 5 лет русские студенты занимались философией, французским языком и богословием в Сорбонне (Синод 1878: Стлб. 318). Иных подробностей об их пребывании там мы пока не находим за исключением приведенного Пекарским одного письма, свидетельствующего об их материальном положении в самом начале учебы за границей, в котором они жалуются на свою крайнюю бедность и отсутствие всякого «посредствия к науке»: «в каморах мы свеч

⁵ По словам самого Горлецкого, во время экспедиции в 1717 г. Петр Первый лично поручил ему распределить студентов по иностранным университетам (см. «Автобиографию» Горлецкого).

не имеем, и всегда мучимся, а не учимся, потому что без дров студено, без свеч учиться не можно <...> ходить нам в школу не в чем, инструментов, надлежащих к физике, нам купить не на что» (Пекарский 1862: 238–239).

В 1722 г. парижские студенты получают приказ возвратиться в Россию, они просят выдать им жалованье, готовые выехать из Парижа на родину, «хотя и не окончивши наук». Некоторое время после учебы И. Горлецкого, Т. Постникова и И. Каргопольского вместе объединяет вопрос трудоустройства и поиск средств к существованию. Вернувшись домой, «ученик философии»⁶ — так он подписывается в письме — И. Горлецкий вместе с товарищами подает Петру Первому повторное прошение: о выдаче положенного им жалованья, а также об определении их на службу. В январе 1723 г. Петр Первый велит Синоду молодых людей «освидетельствовать в их науках, и определить к делу и учинить им жалованье». Однако с их трудоустройством не спешили: в марте 1723 г. они уже жаловались Синоду, что «определения и сие время никакого не имеют, одеждою и обувью оскудели», и просили денежного пособия «в зачет предбудущего жалованья» и продолжения выдачи им «дневной пищи», которую в это время они получали от синодального двора. Вот что получали просители: «кормовых денег по три алтына, да по участку хлеба, да по полубутылке вина простого и по четверти пива на день человека». Кроме того, им было выдано одновременно сто рублей из «обретающихся в Москве в Синодальной Канцелярии, привезенных из Киева бывшего Суздальского епископа Варлаама штрафных денег, с вычетом лазаретных с рубля по копейке» (Синод 1878: Стлб. 320–321)⁷.

⁶ Согласно упоминанию Г.-Ф. Миллера, Горлецкий был картезианцем, в XVIII в. это было распространенное философское направление (МАН VI, 97).

⁷ В марте 1723 г. синод решил отправить Постникова и Каргопольского учителями в Сербию, оставив их до отправления, а заодно с ними и их товарища И. Горлецкого «у книжного перевода» (Синод 1879: Стлб. 733).

В 1724 г. для работы в Академии наук рекомендовались: Постников — в качестве переводчика с итальянского языка, Каргопольский и Горлецкий — с латинского и французского (МАН 1, 36). Вскоре товарищи Горлецкого (в отличие от него самого, как мы увидим позднее) нашли свое призвание в педагогике. Их дальнейшая судьба сложилась так: Постников и Каргопольский стали преподавать в Заиконоспасском училищном монастыре, с августа 1724 г. по апрель 1725 г. даже без жалованья (Синод 1878: Стлб. 321). Вскоре Каргопольский был направлен преподавателем в «словесную школу» в Холмогорах. Существует мнение, что именно он рассказал юному М. В. Ломоносову о Славено-греко-латинской академии и подтолкнул его тем самым к путешествию в Москву (Андреев-Кривич 1960: 15–17); Постников остался учителем в Славяно-греко-латинской академии, в 1731–1732 г. он преподавал в классе Ломоносова. Позднее Постников стал директором Синодальной типографии (Летопись 1961: 22–23, 25).

Какое-то время Горлецкий жил в Москве у графа П. М. Апраксина. А после приглашения в открывшуюся в Петербурге Академию наук 30 октября 1724 г. он одним из первых назначается на должность переводчика в Академию наук (вместе с ним первыми академическими переводчиками были назначены еще двое: И. В. Паузе и И. И. Ильинский)⁸ и остался служить там до конца своей жизни.

О том, что Горлецкий был женат и стал отцом, известно из упоминания о появлении на свет его ребенка (неизвестно, какого по счету) в 1736 г. (ПГД 2000: 188–189), в его доношении

⁸ В академических документах говорится, что И. Горлецкий работал при Академии наук с 1724 г., однако его коллега по гимназии, Г.-Ф. Мюллер, указывает на 1726 г. (МАН VI, 291). В документах 1727 г. И. Горлецкий числится «под профессором в Академии Санктпетербургской сциенциарум» (Синод 1885: Стлб. 156), т. е. речь идет о его прикреплении к Ж.-Н. Делилю (см. об этом на с. 242). В реестрах выплат служащим Академии наук фамилия Горлецкого появляется с 1725 г.

в Академию наук о «немалой нужде в пропитании», в которой оказалось все его семейство в 1743 г., а также из рапорта о его помиловании (МАН V, 537, 592).

За годы службы при Академии наук фамилия Горлецкого регулярно появляется в реестрах о выдаче жалованья по данным «Материалов для истории Императорской Академии наук». Анализируя эти данные, видим, что материальная сторона жизни академических переводчиков сначала понемногу улучшалась: в 1725 г. Горлецкому положено было выдать 78 руб. жалованья, столько же и другому переводчику — М. Сатарову, а в 1726 г. — два раза по 48 руб. В 1727 г. годовое жалованье четырех переводчиков (их имена не указаны) составило 768 руб (МАН I, 93, 173, 188, 274). Но в 1729 г. также четыре переводчика (здесь они перечислены: Ильинский, Горлецкий, Сатаров и Коровин) уже подают челобитную о прибавке им жалованья (МАН I, 457). В 1731 г. директору библиотеки и секретарю канцелярии Академии наук И. Д. Шумахеру было отправлено следующее прошение:

«Благородный господин, господин библиотекарь!

Нужды и терпение наше, понеже самим вам довольно известны, не требуют пространного описания: можно краткими заключить словами, что мы и голодны, и холодны, и всем недостаточны, потому что пятнадцатый уже идет месяц, как жалованья не получаем. Того ради, по многих наших словесных прошениях, чрез сие письменное последний раз просим показать к нам милость, хотя за прошедший год, то есть 1730, на который академическая сумма из казны Ея И. В. получена вся сполна, выдать нам заслуженное наше жалованье, в сем марте месяце; ежели же вам того учинить невозможно, то позвольте нам просить, где можем скорейшую на то резолюцию получить.

Вашему благородию доброжелательные и ко услугам готовейшие переводчик Иван Ильинский, переводчик Иван Горлицкий. 16 марта 1731 г.» (МАН II, 26)⁹.

В петровской «Табели о рангах» чина переводчика не предусматривалось. В 1725–1730-м годах первые переводчики

⁹ Здесь и далее русские тексты воспроизведены в упрощенной графике.

Академии наук, как видим, получали поровну. Впоследствии им назначалось жалованье по какому-то неизвестному нам правилу: например, в 1734 году И. В. Паузе получил 200 руб., И. И. Ильинский — 60, И. Горлецкий — 48, И. Толмачев — 48, И. Сечихин — 50; в том же году, а также и весной 1735 года, И. В. Паузе было назначено 300 руб., Ильинскому — 180, Горлецкому — 144, Толмачеву — 144 (МАН II, 500, 551, 619). 1743 год — год, в который многие сотрудники Академии наук обращались с просьбой о выдаче жалованья: в их числе были Третьяковский, Ломоносов и Горлецкий. Известно, что их просьбы были удовлетворены: Третьяковский получает 10, Ломоносов — 5, Горлецкий — 6 рублей (МАН V, 537–538).

Собственно о деятельности Горлецкого впервые говорится в документе 1726 г. о классах и преподавателях академической гимназии. Он значится в списке профессоров, приглашенных президентом Петербургской Академии наук Л. Л. Блюментростом в первый год работы Академии¹⁰. Занятия проходили по понедельникам, средам, четвергам и субботам; дважды в неделю (как и в наши дни) «социетет; собирався в Академии наук с 9 до 11 и с 14 до 16 часов. С сентября 1725 г., видимо, в течение только одного учебного года, Горлецкий обучал латинскому языку в Академической гимназии. Сохранилось следующее воспоминание Г. Ф. Миллера об этом периоде жизни Горлецкого:

«Gorlezki, ein russe, der in Frankreich gewesen war, der ziemlich französisch und ein wenig latein konnte, der von der Cartesianischen philosophie eingenommen war, aber von nichts eine richtige erkenntniss hatte. Man merkte bald, dass er zum unterricht nicht tauglich sey, und verschonte ihn mit dieser arbeit» (МАН VI, 97)¹¹.

¹⁰ Преподавателями гимназии были назначены: Г. Е. Ортгисе, Г. В. Крафт, И. Вейтбрехт, Г.-Ф. Миллер, Л. И. Блида, Декомбель, И. Горлецкий, А. Б. Крамер, М. Швановиц и М. Хр. Кроль (МАН I, 172).

¹¹ «Горлецкий, русский, был во Франции, выучил довольно французский и немного латынь, увлекался картезианством, но ни о чем не имел соответствующего знания. Скоро стало заметно, что он не способен к преподаванию, и от этой работы он был отстранен» <перевод автора>.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В течение пяти лет после окончания учебы Горлецкого мы не находим упоминаний ни об одном принадлежащем ему переводе (жалованье переводчика он получает с 1725 г.). В январе 1727 года указом от имени императрицы Екатерины I Горлецкий определен к Ж.-Н. Делилю:

«По Ея И. В. указу, велено тебе ходить к господину Делилю, для толкования речей с французского языка на российский, а с российского на французский» (МАН I, 233).

Работая под руководством Ж.-Н. Делиля, Горлецкий усовершенствовал свои знания в географической или даже шире — естественнонаучной лексике, позднее он занимался переводами в отделе картографии.

Вскоре, в том же 1727 году, Горлецкий получает задание — переводить с французского учебное пособие для юного Петра II. Это было сочинение академиков И. Германа и Ж.-Н. Делиля под названием «Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России», состоявшее из трех частей:

«Abrégé des Mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies. T. I, contenant l'Arithmétique, la Géométrie et la Trigonométrie. T. II, contenant l'Astronomie et la Géographie. T. III, contenant la Fortification et l'Architecture civile» (МАН I, 270).

В начале 1728 года у Горлецкого требуют известия о заказанном переводе и в апреле того же года он сдает первые две части. Работа была проверена, неточности исправлены, и труд отправили на апробацию Л. Л. Блюментросту (МАН I 355, 369). В 1728 году две части переводимого Горлецким «Компендиума» были напечатаны в 300 экземплярах, из них 20 штук — на александрийской бумаге (МАН I, 388). В начале 1729 года Горлецкому поручена работа над переводом третьей части «Сокращения математического» — раздела о фортификации. Просьба об этом переводе от имени Шумахера сопровождалась самой

книгой, а также пятью другими сочинениями по той же теме, уже переведенными на русский язык, для ознакомления переводчика с математической терминологией (МАН I, 444). Эта часть была напечатана в 1730 году¹².

Горлецкий переводил еще некоторые материалы по географии: в 1730 году он перевел на русский язык французское письмо профессора Делиля, а также «обсервацию» Камчатки (МАН I, 662, 683). В 1734 году было издано «Описание о Японе»¹³, первую часть с французского языка перевел С. Коровин, две другие — И. Горлецкий.

В 1735 году было учреждено Российское собрание — собрание переводчиков Академии наук (туда вошли, в частности, В. К. Третьяковский, В. Е. Адодуров, И. И. Ильинский, И. С. Горлецкий). На заседаниях должны были проверяться, обсуждаться и исправляться подготовленные переводы. В «Материалах для истории Императорской Академии наук» находим упоминание о том, что Горлецкий вместе с Третьяковским участвовал в освидетельствовании переводов на русский язык¹⁴ и в 1743 году.

В 1735 году Горлецкий был официально назначен в образованный Географический департамент и переводил там каталоги, реестры, описания карт, приказы, протоколы, памятные записки на русский и французский языки; участвовал в составлении каталогов карт и даже — в работах над картами вместе с геодезистами.

¹² Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России. Ч. 1, содержащая арифметику, геометрию и тригонометрию (1728). Ч. 2, содержащая астрономию и географию (1728). Ч. 3, содержащая фортификацию (1730) / [перевел с французского И. С. Горлицкий]. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1728 (1730). — См.: (СК XVIII в. 1, 223).

¹³ Описание о Японе: содержащее в себе три части, то есть: Известие о Японе и о вине гонения на христиан, Историю о гонении христиан в Японе и Последование странствования Генрика Гагенара, которое исправно ландкартою и изрядными фигурами украшено. — СПб.: Печ. при Акад. наук, 1734. См.: (СК XVIII в. 2, № 4961, 359).

¹⁴ См., например, об освидетельствовании Горлецким и Третьяковским переводов Фрейганга: МАН V, 662.

На службе он познакомился с молодым тогда профессором Л. Эйлером. В «Протоколах Географического департамента», написанных по-французски секретарем П. Л. Леруа, имеются краткие сообщения о присутствовавших работниках и их деятельности, часто встречается запись:

«Г-н Горлицкий (не) приходил. Г-н Эйлер занимался, как обычно» (ПГД 2000: 139–246).

Постоянно работая с Делилем в обсерватории, Горлецкий хорошо узнал астрономическую терминологию и сам стал ее создавать: например, именно ему мы обязаны названиями «спутник», «Млечный Путь» и т. д. (ПГД 2000: 261, прим. 29).

Как видно из протокольных записей, Горлецкий переводил с французского языка на немецкий список вещей, присланных из Второй Камчатской экспедиции Л. Делилем де ла Кройером, братом Ж.-Н. Делиля (ПГД 2000: 263, прим. 51).

Горлецкому поручались также переводы по истории. В 1739 году он перевел на латынь «Степенную книгу», памятник исторической литературы XVI века; в 1740 году с латыни перевел «Предисловие на псалмы» (оба эти перевода сохранились в рукописи).

В 1750 году, когда В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, по желанию императрицы Елизаветы, соревновались друг с другом в сочинении трагедии, Академической канцелярии срочно потребовался перевод с французского языка сочиненного Д. Бонекки либретто оперы Ф. Арайя «Беллерофонт», которую хотели представлять при дворе уже через 10 дней. Тредиаковский, которому хотели поручить это задание, отказался, сославшись на свою работу над сочинением трагедии. Тогда этот перевод был поручен И. Горлецкому (Пекарский 1873: 157). Русский сокращенный вариант либретто был напечатан к представлению параллельно с французским текстом Д. Бонекки (ранее перевод либретто на русский язык ошибочно приписывался А. В. Олсуфьеву — см.: (СК XVIII в. 1, № 684, 119)).

ГРАММАТИКИ

Отдельного внимания заслуживает участие Горлецкого в работе над грамматиками. В 1722 году только что вернувшийся из-за границы парижский студент Горлецкий составил французскую грамматику (текст не издан) и поднес ее Екатерине I, за что императрица поблагодарила его 20 червонцами¹⁵.

Б. А. Успенский обнаружил 2 листа с грамматическими сочинениями Горлецкого в Британском музее (листы сохранились в составе конволюта, принадлежавшего Т. Консетту, который скончался в 1730 году, и отсюда можно определить *terminus ante quem* Горлецкий работал над этими сочинениями (Успенский 1997: 444). На одном из листов в две колонки составлено начало грамматики церковнославянского языка и параллельный латинский текст. Как видно из подписанной в конце листа записи, предполагалось составить грамматику русского языка. На другом листе стоит заглавие: «Грамматика французская» и представлено начало французской грамматики.

В 1729 году по указу императрицы в Академии наук Горлецкому отдают для перевода на русский язык грамматику французского языка, «взятую у шпрахмейстера Декомбеля» (в другом месте сказано, что Ш.-А. Декомбль являлся ее составителем: “*von dem sprachmeister De Combles gefertigte frantzösische grammatic*”)¹⁶. Лексикон при этой грамматике было поручено перевести Ильинскому и Сатарову (МАН I, 499, 603). Каких-либо материалов этой грамматики обнаружить пока не удалось¹⁷.

¹⁵ См. письмо Горлецкого к императрице (Пекарский 1862: 241). О сумме вознаграждения за труд известно из приходорасходной книги комнатных денег первой императрицы: Белозерская 1902: 83.

¹⁶ В связи с этими документами В. П. Вомперский предположил, что изданная в 1730 г. анонимная «Грамматика французская и русская» принадлежала Горлецкому (Вомперский 1969: 125 и сл.).

¹⁷ Запутанно и хронологически недостоверно сообщается об этом в «Словаре русских писателей XVIII века»: «Составил фр. грамматику, которую посвятил Екатерине I (не изд.), перевел фр.

Горлецкий участвовал вместе с Ильинским и Сатаровым в работе по переводу с латинского на русский язык «Немецко-латинского и русского лексикона» Э. Вейсмана¹⁸.

В служебных документах 1748 года имеется упоминание о его переводах двух французских грамматик: «одна называемая Ресто, а другая безымянного автора». В начале 1749 года эти грамматики были проверены в Историческом собрании Ф. Г. Штрубе де Пирмонтом, М. В. Ломоносовым и В. К. Трелиаковским:

«Рестову за наилучшую признать можно, токмо при напечатании во оной рестовой грамматике и в другой некоторые российские речи надлежит поправить, а оные грамматики при сем возвращаются» (МАН IX, 654).

В 1750 г. К. Ф. Модерах подал в Академию наук рапорт с другим переводом грамматики Ресто, сделанным В. Е. Тепловым¹⁹ с немецкого языка. Этот перевод признали лучшим и более достойным печати, таким образом, было приказано печатать перевод Теплова и приложить к нему исправленные диалоги из перевода Горлецкого, а также печатать вторую грамматику, переведенную Горлецким — «Начала французского языка» (МАН X, 643–644).

грамматику М.-А. (sic!) Декомбля (1730). Сохранились положительные отзывы М. В. Ломоносова и В. К. Трелиаковского о переводе Г. этих фр. грамматик». Конечно, ни Ломоносов, ни Трелиаковский в 30-м г. не могли давать отзывы на переводы Горлецкого; это случилось через 18 лет, в 1748 г., и относилось к его переводу грамматики Ресто (об этом см. ниже в главе).

¹⁸ Немецко-латинский и русский лексикон: Купно с первыми началами русаго языка к общей пользе / При Имп. Академии наук печатанию издан; [Перевели на русский язык И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлицкий]. — St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaftten Buchdruckerey, 1731. См.: (СК XVIII в. 1, № 881, 147).

¹⁹ В 1750 г. Василий Егорович Теплов был студентом Академии наук, его курировал адъютант Карл Фридрих Модерах; впоследствии В. Теплов становится академическим переводчиком.

КАРЬЕРА

Несмотря на отмеченные нами нередкие свидетельства о трудном материальном положении И. С. Горлецкого, он не захотел продвигаться по службе так, как это требовалось в те годы. Хотя в 1733 году Горлецкий просит перевести его в профессора, сдать предложенный ему экзамен для получения профессорского звания он отказывается, по словам Третьяковского (в доношении 1743 г.), сославшись на то, что он имеет уже «парижское свидетельство» (МАН II, 315; МАН V, 970). Не является ли этот поступок Горлецкого первым актом сопротивления авторитарной деятельности Шумахера? Впрочем, отказавшись от продвижения в должности, он только лишил себя лучших материальных условий. В 1734 году выходит указ об оплате служителями Академии драгунских лошадей, Горлецкий с переводчиком Толмачевым безуспешно пытался отменить распространение этого указа на переводчиков (МАН II, 434, 475). В 1735 году Горлецкий вновь испытывает денежные трудности (Академия не выплатила полагающиеся ему деньги за дрова, свечи и жилье), он оказывается в долгах и, как становится ясно из его рапорта, даже лишается слуги до тех пор, пока не расплатится с долгами (МАН II, 787).

С воцарением Елизаветы Петровны в среде профессоров, адъюнктов, переводчиков и студентов появилась надежда на перемены в Академии, прежде всего это касалось смещения с должности И. Д. Шумахера, который, по их мнению, препятствовал развитию Академии. Одним из основных мотивов для недовольства было то, что в Академии служили, в основном, иностранцы, а русским невозможно было добиться получения места. В 1742 году сначала Ж. Н. Делиль, а затем и другие академические служители (комиссар Камер, канцелярист Греков, копиист Носов; студенты Пухорт, Шишкарев и Коврин, ученик гравера Поляков, переводчики Горлецкий и Попов) составили доношения против Шумахера; в результате был подписан указ об учреждении Следственной комиссии. Шумахер

был отстранен от должности и посажен под домашний арест. Все ученые документы и материалы в Кунсткамере, Библиотеке и Книжной лавке Академии были опечатаны. Протестное настроение в Академии усиливалось: 14 октября 1742 года Ломоносов вместе с Горлецким «под видом осматривания печатей» помешал Академическому собранию «продолжать свои дела» (МАН II, 790).

В судебном деле обвинения против Шумахера обращает на себя внимание стиль И. Горлецкого: он изощрен и витиеват. Так, например, Горлецкий писал Нартову в Москву:

«Что же о нас, благодатию божиею до сего числа здравы пребываем, ожидая тщением вашим милости всещедрого бога чрез помазанницу его получить, а супостатов <т. е. Шумахера и его людей. — А. С.> ходатайством пресвятой богородицы и всех святых под ноги верных рабов и сынов российских покорить дай боже» (Пекарский 1870: 35).

Обвинения Горлецкого изобилуют метафорами: отсутствие в Академии русских профессоров он описывает как «явное Шумахера на Россию скрежетание». Шумахер парировал это с иронией, пользуясь оружием и средствами противника: он на Россию «скрежетания не имел». Также Горлецкий обвинял Шумахера в том, что он, «заглажая свой яд, не хотел открыть науки»; на это Шумахер отвечал, что «науки закрывать никакого яду он, Шумахер, не имел, и науки открывали и открывают профессора» (Пекарский 1870: 38).

В начале декабря 1742 года сторонники Шумахера инспирировали подачу коллективной жалобы в Следственную комиссию на Ломоносова, Горлецкого, Камера и Пухорта; 31 декабря члены собрания подали ответную жалобу на них (МАН VI, 583; Пекарский 1873: 332). Однако следствие приняло решение в пользу Шумахера.

4 декабря 1743 года императрица восстановила Шумахера в должности. В июле 1744 года он «за немалый арест и досады» становится статским советником и директором Академии; затем последовали наказания обвинителей Шумахера (плетьюми

или батожьем: Пекарский 1870: 44). За ложный донос наказание Горлецкому было назначено самое жестокое: он был приговорен к смертной казни. Но позднее оно было смягчено, причем дважды: сначала, по причине его «долголетней службы и старости и что имеет жену и детей», «учиня наказание плетью», положено было ограничиться его пожизненной высылкой в Оренбург для обучения там молодых людей (май 1744 г.), потом (15 июля того же года) по всемилостивейшему указу ея и. в. было приказано Горлецкого «во Оренбург на вечное житье не посылать и из-под караула свободить» (МАН V, 592; VII, 158–161). Вернуться на прежнюю должность помилованные «доносители» уже не смогли: Шумахер успел к этому времени уволить всех своих обвинителей и восполнить вакансии. Только через несколько лет сострадание графа Разумовского помогло Горлецкому вернуться в Академию (МАН IX, 262; Пекарский 1870: 44)²⁰. В середине 1748 года Горлецкий вновь оказывается в академическом списке.

С 1749 по 1776 год Горлецкий числится сотрудником Библиотеки Академии наук, переводчиком при Библиотеке и Кунсткамере (Летопись БРАН 2004, 16).

В последние годы Горлецкий получал половинное жалование в Академии наук. Сохранились автографы его богословских сочинений и переводов 1760–1770-х годов: «Гисториографическое и словное объяснение псалмов», «Уподобительные псалмы царя Давида», «Богословие мистическое или таинственное» и др. (ГПБ, собр. Вяземского, Ф. II)²¹.

²⁰ Г. Ф. Миллер вот так описывает это событие: Johannes Gorlezki, <...> war seiner wunderlichen einbildung halber zum übersetzen eben so untüchtig, als zum lehren, wuste sich aber gönner zu machen, um deren willen er wieder in dienste genommen wurde, wenn man sich schon seiner entledigt hatte (МАН VI, 102) «Иван Горлецкий из-за своего странного самомнения неспособный как к преподаванию, так и к переводу, умел найти себе покровителя, ради которого он снова был принят на службу, после того как его уже уволили».

²¹ См.: (Николаев, Осипов 1988).

АВТОБИОГРАФИЯ

Рукописный текст автобиографии И. С. Горлецкого, хранящийся в документах М. В. Ломоносова²², датируется 1761 годом. Его автор в возрасте 71 года описывает небольшой период своей жизни с 1717 по 1725 год: свою поездку за границу, встречу и общение с Петром Первым и царским двором и свое назначение в Академию наук самим Петром Первым:

[Лист 97]

По имянному его царского пресветлаго величества указу, из Амстердама в 1717ом году в Контору правительствующаго Сената в Москве, и по силе онаго имяннаго указа из оныя конторы, из монастырскаго Приказа также и из Палаты Печатнаго двора с выдачею жалованья философии ученикам, с подъемными и прогонными денгами отправился я, по выбору моему, с товарищи, а именно: Тарасом Постниковым, Иваном Каргополским, Иосифом Кречетовским, Василием Козловским, Филипом Анахиным, Иваном Алабиным, да малолетними Ермолаем Крайцевым, Данилом Овсяниковым, а десятого отставил за неудобство; к директору училищ и печатнаго двора, его сиятельству графу и сенатору Ивану Алексеевичу Мусину и Пушкину в Санкт-Петербурх. От его сиятельства и к графу и великому адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину в Ревель. Из Ревеля, на корабле, именуемом Сампсон, и к его светлости князю и генералу Михайле Михайловичу Голицыну в Германию в город Росток, где и принят был в конторе адмирала господина Синявина. От его светлости сухим путем до Елбы реки, а по Елбе и к господину резиденту Ивану Ивановичу Бутурлину в Гамбург. Из Гамбурга от его превосходительства морем в Голландию в Амстердам, где был и двор его царского пресветлаго величества, а его царское пресветлое величество был тогда во Франции в городе Париже; а я по указу ея величества государыни царицы и великия княгини Екатерины Алексеевны был при дворе, до прибытия его царского величества из Парижа в Амстердам, и вручил его величеству письмо от графа и сенатора Ивана Алексеевича Мусина и Пушкина. Приняв оное письмо его царское величество и прочет, повелел мне быть в уреченный день в свой кабинет, где приняв от меня книги присланные к его величеству из типографии московския печати, повелел мне

²² Автор благодарит СПбФ АРАН за предоставленный материал.

собственноустно при господах министрах: князе Борисе Ивановиче Куракине, при великом канцлере графе Гаврииле Ивановиче Головнине, да при подканцлере Петре Павловиче Шафирове, выбрав двух из товарищей моих ехать мне во Францию в Париж для довершения наук. Трех отправить в Богемию в город Прагу. А трех малолетних оставить в Амстердаме, что я и учинил, выбрав с собою Тараса Постникова да Ивана Каргополскаго, а в Прагу: Иосифа Кречетовскаго, Василья Козловскаго да Филипа Анахина, оставил я в Амстердаме: Ивана Алабина, Ермолая Крайцева да Данилу Овсяникова. Сам отправлен был по собственоуственному указу его царскаго пресветлаго величества, от князя Бориса

[Об.]

Ивановича Куракина на почте каналами в город Стаднов (?), оттуда каналами ж и Реном рекою в город Голандии Роттердам. Из Роттердама заливами в Брабандию в город Антверпен и к агенту прозванием Стефано, от него, из города Антверпена в Брабандию ж каналом в город Брюксель, из Брюкселя в Париж и к графу Конону Никитичу Зотову сухим путем. По прибытии моем в Париж определился я и с товарищами моими в Коллегиуме Кватор Национум при профессоре господине Жофруа, от котораго коллегия за руками и печатию правителей в окончании моем философии получил и засвидетелство. Обучался також де юриспруденции и математики, да и нечто докторству и богословии в Сорбоннском доме под доктором теологии господином Лями. Из Парижа отправлен был в 1722^m году с товарищи моими князем Васильем Лукичем Долгоруковым в Нормандию в стольный город Руан, откуда им же, князем, отправлен водяным путем в Германию в Гамбург к резиденту Норису, а Норис же отправился морем в Санкт-Петербург, куда прибыв 1722 сентября [нрзб] писал о себе письмо к его императорскому величеству, возвращавшемуся тогда из Персии, которое, получив, его императорское величество разкручинился [нрзб] на того кто меня с товарищи без указа его величества выправил из Франции, оторвав от учения, но то е умягчилось. Когда же прибыл его величество в Москву, отправлен был из Санкт-Петербурга из Соленой конторы на почте в Москву и явился его величеству в Кабинет в Преображенском, и его величество виде, послал меня с писмом свидетелствоваться в Святейшем Синоде, где освидетелствован и по освидетелству определены нам были покои учительския во училищах Спаских со удовольствием столовым, что чрез несколько месяцев и получал. По освидетелстве же вопрошен был, какую бы я науку в действо желал производить, во ответ дал, что философию,

мне науку приятную, в чем некие члены были и согласны, а иные и разгласны для необычая, чтоб мирские люди философию и прочия науки производили разве бы постриглися. Чем я недоволен, приехав в Санкт-Петербурге его величеству о том и донес, чем его величество огорчился, на оный Синод, повелел мне быть в токарне своей собственной, что было 1724го года сентября 10 числа, куда пришед явился его императорскому величеству при столе за обедом, и сним присущими Академии наук президентом Лаврентьем Блюментростом. При Меланине Андрее Нартовом, при Михайле Ширяеве. Увидев же меня его величество начал говорить с Блюментростом, что Академия, Слава Богу, начинается

[Лист 98]

и я, указав на меня, должен быть при Академии, хотя еще опричь Президента да библиотекаря Господина Шумахера ничего еще кроме меня перваго и небыло; а о определении жалованья повелел все милостивейший Монарх давать мне до прибытия господ профессоров по двенадцати рублей на месяц, о чем свидетельствуют расходные книги академические вышереченного 1724го года. По определении же моем в Академию повелел мне его императорское величество от спальни своей быть неотлучно, а слышно было чтоб мне быть учителем у великаго князя, бывшего государя императора Петра Алексеевича, при котораго столе и определено мне было застольное. При том же и дела некоторыя для перевода мне его императорское величество поручал, но болезнь от часа на час и от дня на день, в кратком времени после этого определения и милосердия, то есть 1725го января двадцать осмага числа лютая смерть, меня такога премилостиваго монарха и отца лишила. А я до сего времени остался чужестраннаго отца сын, сир. Без всякаго произведения и мне неизвестнаго в Академии чина, уже тому тридцать седмой год.

A. Smirnova. Academy interpreter Ivan Horletzky.

I. S. Horletzky was one of the first who worked in the Russian Academy of Sciences during the period of its formation. After graduation from the Sorbonne he worked as a translator in Latin and French focusing on natural-science texts, grammars and lexicons, letters and documents. He worked together with Adodurov, Trediakovsky, Euler, Lomonosov and many other famous people. Till now some works and documents of the 30-es–40-es of the XVIII century are anonymous and this biography can help to identify some of them.